

Т Р О Н И Н А А Н Н А

A movie poster for the film 'The Stranger'. The central image shows a man in a dark, hooded, tattered coat standing on a rocky cliff, looking out over a vast, fantastical landscape. In the distance, a large, golden, spire-filled city is built on a cliffside. A massive, dark dragon with a golden emblem on its forehead looms in the sky, its body coiled around the city. The scene is filled with golden, glowing lines that resemble a complex web or magical energy. The title 'СТРАННИК' is written in large, golden, serif letters at the bottom.

СТРАННИК

Он отказался вкусить плоть загадочного существа,
и тем решением избежал смерти, но стал заложником судьбы.

Теперь нечто стало его проводником в Эмеев град.

Что ждёт на пути молодого путника ему не ведомо.

Не знаящий мира, живший в резервации, ему пришлось узнавать его.

Анна Трон Странник

<https://litres.ru/74129752>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не вкусил плоти убитого существа — и остался один среди мёртвых. Теперь в его руке серебряная кость, в голове — плачущий голос, а впереди путь, которого не измерить днями.

Он идёт в Змеев град. Его проводник — тот, кого убило его же племя. В дороге он встретит люди с тёплым очагом и тварей с ледяным коварством, духов, помнящих начало мира, и тех, кто за спиной держит сталь. Но каждый след в его дневнике — это шаг к разгадке.

Почему проклятая жертва ведёт его бережнее самой преданной души? И что на самом деле ждёт в конце пути?

Содержание

Пролог.	4
Глава 2	9
Глава 3	19
Глава 4	29

Анна Трон

Странник

Пролог.

Странник.

Пролог.

Я перестал считать дни и даты. Не могу даже с уверенностью сказать, сколько мне лет. Но я помню, как всё началось.

Жил я в небольшой деревеньке у края леса, народу было немного, оттого, наверное, все были дружны. Жили охотой. Иногда старшие возили куда-то за лес вяленое мясо и шкуры, обменивали на муку, мёд и травы. Зимы были долгими, а весна и лето проходили слишком быстро, потому работали все — и дети, и старики. В поселении стояло четыре больших дома из сруба. В каждом доме жило по пять-шесть семей: там же располагались кладовые с запасами и комнаты с большим столом, где ели, а ещё — купальни.

Мальчишкой я с братьями часто получал нагоняй от старших, когда мы бегали в соседний дом подглядывать за девицами. Но даже в затяжные зимы охоты не отменяли. И вот кого нашли в лесу среди сне-

га, какого зверя привели, сами не ведали. Белое создание, похожее на птицу, с лапами тонкими и длиною точно у лисицы, голова больше походила на соколиную, только зрачки были как у барсов, что жили на дальних горах, к северу от реки, с другого края леса. А что за крик издавало это создание — то выло как собака, то словно дитя рыдало. Общим советом решили зверя убить, как поступали всегда. Я один отказался и есть его не стал. Помню, как смотрел в его глаза перед ударом — а из них текли слёзы, крупные и горячие, так что пар поднимался. Но я не обмолвился ни словом, побоялся. Сперва мужики, что разделявали тушу, потом их жёны, дети. Ни травы, ни знахарка из-за леса помочь не смогли.

И остался я совсем один. Хоронил деревенских долго, в особенно ветреные дни не выходил совсем. Тишина была мне непривычна, порой казалось — она сводила меня с ума. Я переходил от дома к дому, заходил в спальни и перечислял имена тех, кто ещё недавно спал в этих кроватях. Но и они стали угасать в памяти. Тела выносил на улицу, там и оставлял до тех пор, пока не прояснится. Иногда на них были видны следы зверей, что забредали с голода к людям. Пока приходили некрупные звери, спугнуть их получалось, а если заходил медведь, то я носу не показывал. В наших краях они отличались особым бесстрашием, па-

дали прямо на ножи и копья, бились до потери сознания, но никогда не убегали и не отступали. Если бой — то насмерть.

Мне оставалось вырыть две могилы. Для матери и старшего брата. Они умерли последними — тихо, во сне. Я тащил их по мёрзлой земле, не чувствуя ни холода, ни тяжести. Мотыга, которой я разбивал землю, вдруг ударилась обо что-то твёрдое — в ушах раздался звон, и я повалился на колени прямо в яму. Когда звон начал стихать, я начал подниматься и увидел у края могилы тонкую серебряную веточку, покрытую инеем. Взяв её в руки, вновь почувствовал, как в голове поднимается шум, но он резко прервался тонким жалобным голосом:

— Я не проклял вас. Вы прокляли себя сами, испив моей крови, отведав моей плоти. Как мне жаль ваших чад. Как мне жаль!

Голос становился всё выше, а голова начала опухать от этого плача. Бросив серебряную веточку на снег, я побежал в дом, усевшись у очага в надежде прогнать дрожь. Но я не замёрз — это был страх, который добрался до глубины костей.

Всю ночь просидел, глядя в огонь. Угли складывались в образы: я видел того зверя, его перья, перепачканные кровью, слышал его последний крик. Думал, что вот и мой час настал, а схоронить меня некому.

Под утро забылся тяжёлым сном. И это существо, что привели в деревню, явилось ко мне. Теперь оно не казалось испуганным — в его глазах барса светилась печаль, глубокая, как омут.

— Ты свободен от проклятья моей плоти. Но твой народ погубил меня. Я не дам им перейти. Ты должен отнести мою кость в Змеев град, тогда я усну свободным. А твои люди смогут перейти...

— Куда перейти? Что за Змеев град? Какая кость? — вопросы рвались из меня, но слова вязли, я делался немым.

— Иди на восход. Ветвь моя будет проводником. Путь долог, и ты встретишь многих — одни станут тебе друзьями, другие попытаются сгубить. Не верь глазам: зло порой рядится в добрые одежды, а доброта таится под личиной ужаса. Но помни: я с тобой. Той же дорогой, что вела моих убийц к проклятью, придёшь к освобождению.

Существо простёрло крыло, и я увидел дорогу, вьющуюся через лес, горы и туманы. А потом оно закричало — пронзительно, жалобно, как в тот раз, — и я проснулся. В руке была та самая серебряная веточка.

Наваждение развеялось, но веточка осталась. Она была тёплой, словно живая. Я долго вертел её в пальцах, потом спрятал за пазуху. В тот же день закончил могилы, положил сверху по камню, прошептал

прощальное слово. Оглядел пустую деревню — дома, где больше не зажжётся очаг. Взял заплечный мешок, немного еды, нож и воду. Вышел, запер дверь — наверное, тогда я думал или надеялся, что однажды вернусь. Солнце вставало над лесом, и серебряная кость у сердца дрогнула, указывая путь.

С тех пор я иду. Иду на восход. А что встречал и встречу — о том мои записки.

Глава 2

Я смотрел на огонь, а старик на меня. Голова была пустой, усталость, наверное, стала нагонять.

-Альтарец, — тихо позвал Гур, — как твоё имя?

-Бамор, — не отрывая взгляда от пламени, ответил я.

-Бамор? Мать была не альтарка?

-Ага, она была из-за леса. Так, часто делали в нашем поселении, старшие собирали тех, кто подходил по возрасту и увозили, кому-то везло, с невестой приезжал, остальные возвращались одни.

-Интересно. А что знаешь о своей матери?

-О чём ты, старик?

-Ну вот ты альтарец, потому как твой отец таковым был, а мать какого рода?

-Я никогда её не спрашивал, а она не рассказывала. Да и к чему это?

-Да так просто, хотел понять, что ещё тебе известно.

Он встал из-за стола и нырнул в комнату за полотном, чем-то погромев и поругавшись, Гур вернулся со стопкой книги, бумаг и свитков.

-Начнём, пожалуй, с этого.

Карта была большой, развёрнутая она не умещалась на столе. Я встал и начал ходить вокруг неё, рассматривая очертания гор, лесов и читая названия.

-Вот, — палец старика упёрся в рисунок дома, — это столица Серпент, а вот тут, — палец скользнул вниз, — сейчас мы, Мелён, а здесь, — он провёл пальцем чуть влево, — было твоё поселение.

Рука невольно потянулась к дому, маленькая точка у огромного леса, который продолжался до самого края карты и не заканчивался, я даже заглянул на оборот, но там был просто чистый лист.

-Есть ли другая карта? Что там за лесом?— волнение пробежала по телу.

-Здесь такой нет, возможно, в столице,— он смотрел на меня с каким-то беспокойством, явно озадаченный, но спрашивать не стал,— Давай по порядку, я тебе коротко расскажу, что это за мир.

И Гур поведал мне: существует три больших континента Вагфетон столица Серпент, тот, где живём мы, Истиг столица Мольёен, Клуфирд столица Эгдин и островные малые государства. Все три континента разделены великой рекой богини Сапфир, и что где встречаются, все три русла, стоит прекрасный храм в честь этого божества. Рассказал мне и о том, что есть такая река, у которой другого берега я не достигну и за год пути — океан.

В Вагфетон власть передавалась от сына к отцу, и правитель носил статус император. Подобная форма была и у Истиг, а в Клуфирд вся власть принадлежала магистрам, их государство было самым малым и самым закрытым для чуже-

земцев. Последняя война между континентами шла больше четырёхсот лет тому назад, о конфликте и его прекращение, даются весьма размытые упоминания, потому подробностей Гур не знает. Бывают перепалки между пограничными войсками, но не более.

- А теперь скажи, ты знаешь что-нибудь о чудищах, что обитают на землях всех континентов?

-Медведи?

-Да нет же! Ваши медведи, конечно, чудища, но только оттого, что свирепы и огромны. Я говорю про других.

Я отрицающее помотал головой, старик только цокнул и полез под карту, и вынул толстую книгу в рыжем кожаном переплёте и жестом подозвал к себе. Я только и мог удивляться, какой мир скрывался от меня эти годы.

-Смотри, это лифры. Прекрасные девы, можешь подумать, — и он указал на рисунок с изображением трёх девушек, сидящих у дерева и плетущих друг другу косы.

-Но! — и он перевернул страницу.

Там были уже искажённые лица, обезображенные распоротыми ртами, сухие тела, как палки, глаза чёрные, ничего от человеческого в них не было.

-Я хочу тебе объяснить, чтобы ты понимал, не всякий, кто похож на человека, есть таков, — Гур протянул мне книгу, — посмотри и постарайся запомнить, всё, что только сможешь.

Первое, что мне подумалось, это отыскать то существо,

которое охотники привели в деревню, но всё же решил не торопиться и изучить всё по порядку. Попадались и существа совсем крохотные, как птицы, и огромные, как вековые сосны, но у многих попадалась одна строка: «вид закрыт».

-Что значит эта строчка «Вид закрыт»?

-Истреблён, охота магистров прошла успешно.

-На них охотились?

-Да и охота продолжается на каждом континенте.

-Но зачем?

-Что значит зачем? — Гур почесал темечко, — многие попадали на людей и целые поселения, и важно, успешная охота, это успех правящих домов, один из столпов власти.

Кость, что, лежала за пазухой, похолодела, я обратился к ней мысленно, хотя знал, ответа не будет: «Ты осуждаешь людей?», кость сделалась ещё холоднее.

-Но ведь эти существа были частью мира?

-Да, ты прав, но, как и в мире животных сильнейший...эм... вытесняет слабого.

-Но разве эти существа слабые? Магистры владеют какой-то невероятной мощью?

-Да, владеют, но не физической, а духовной магией или чародейством.

-Они такими рождены?

-Магистры, это люди с потенциалом, они проходят своё обучение, кто способный вскоре его раскрывает, остальные так и не познают магии, даже здесь идёт борьба душ.

-А что ты знаешь об Альтарцах?

-Дай подумать, — он уселся за стол, — если в общих чертах о вашем народе есть сказание, что вы первые люди, вышедшие из каменной породы, тела крепкие, высокие и выносливые. Сила — одно из преимуществ. И вы одни первых, кто начал истребление чудищ.

Дверь отворилась, и старуха вошла, запах хлеба тут же заполнил всю комнату, и мой живот отозвался голодным спазмом.

-Гур, неси воды с колодца, — старик медленно встал, держась за поясницу, — скорей! Твоя требуха послужит нам ещё не один десяток лет! А ты Альтарец, убери, как карту со стола!

-Бамор, — проговорил старик у двери.

-Бамор? Так это что же, мать из...

-Наверное, он не знает, — и дверь за Гуром закрылась.

-Удачно я сходила, — Мила поставила корзинку и принялась убирать остальные книги со стола, — отличный копчёный рулет, такого ты точно ел.

-Я бы мог помочь принести воды.

-Да ты не думай, раз он похож на старика, то сразу немощен! Чем старее, тем важнее всегда быть при деле, а то так и помрёшь, — лицо её расплылось в улыбке.

-Почему вы решили, что моя мать другая?

-Твоё имя, оно немного другое, у Альтарцев имена обычно складываются из трёх-четырёх букв, по типу звуков, ко-

которые издают звери Уар или Кат твоё... — она поджала губы, шурясь, — Твоё скорее подходит служителю леса, друиду. Но ни я, ни Гур не можем быть уверены, кем была твоя матушка и почему тебя называли так.

Я больше не стал задавать вопросов, а продолжил читать книгу про чудищ. Мила юркнула в соседнюю комнату, здесь вернулся Гур и последовал за ней, но быстро вернулся с котелком и повесил его над очагом. По комнате расходился запах копчёного мяса, булькающий котёл прервал моё занятие, подняв глаза к потолку, я просто слушал, эту домашнюю суету, забывая, все прошлые дни.

-Бамор, — голос звучал издалека, но настойчиво повторялся, — Бамор! БАМОР!

Проснувшись, первое, что я увидел, были две пары глаз совсем близко к моим, от неожиданности тело моё стало подаваться назад.

-Куда-куда? — и руки упёрлись мне в спину, — вот ты спишь, даже завидно.

-Чего ты, старый, завидуешь? Пойди и ты пройдишь по лесу дней одиннадцать, думаю, спать будешь ещё крепче.

Старик, ворча, уселся напротив меня и принялся за еду, Мила, посмеиваясь, нарезала хлеб.

-Бери, — она протянула мне белый ароматный кусок, он был тёплым и хрустящим, — поешь и супа тоже. А я подготовлю тебе место, где поспать. Ты уж извини, но кровати нет, придётся спать на лавке, зато, ноги сможешь вытянуть

во всю длину.

Я не ответил, только кивнул, отправляя в желудок очередную ложку. Мне предложили добавки дважды, и я дважды её съел.

-Так, ну а вышло неплохо. Как тебе Бамор?

-Спасибо, уже позабылось, когда спал не привязанный веткам.

-К веткам, — Гур сидевший у очага и потягивающий настой цикория и мёда, обернулся.

-По ночам залезал на деревья, и чтобы не упасть ночью, приходилось себя привязывать. В том, чтобы проснуться от того, что тебя рвёт медведь или барс, приятного мало.

Рука старушки потянулась к моей и сжала, что было в ней сил.

-Сегодня ты можешь спать спокойно.

Я снял сапоги и улёгся на лавку, ноги действительно удалось вытянуть, под спину во всю длину было постелено одеяло, отчего я совсем не чувствовал перекладин, а подушка была набита травами и пухом, и как только, голова коснулась её, я крепко уснул.

Во сне я видел, как маленький бегал с братьями, как ел ягоды, обрывая куст, как отец учил нас ловить рыбу и метать ножи, как рассказывал про следы зверей и приметы, по которым выбирать день для охоты на разных зверей. И где-то между этих тёплых дней пробивался белый снег с тёплой кровью на нём, далёкий плач становился громче.

-Тебе пора отправляться в путь,— теперь голос существа звучал совсем близко.

-Зачем?— теперь я видел себя совсем мальчишкой,— Почему я должен идти?

-Дитя, твой путь давно проложен, тебя ждут!

-Ждут? Но кто?

-Ты узнаешь их и спасёшь. Не бойся, я не оставлю тебя и проведу.

Мне захотелось коснуться этих белых перьев, они казались такими мягкими и тёплыми, но как только я потянулся к нему, сон оборвался.

Ни старика, ни старухи в доме не было, но на столе был кусок сыра, кувшин с молоком и хлеб. Поев, я снова открыл книгу про существ, которая лежала рядом с едой, там же лежала горсть медных монет, их брать я не стал. А сел к очагу, читая книгу, я стал дожидаться хозяев, чтобы попрощаться и отправиться в путь.

Спустя несколько часов, Гур и Мила вошли в дом.

-Хо! Я думал, ты проспишь несколько дней.

-Мне пора отправляться, благодарю за доброту.

-Ну-ну! — вставила старушка, — ты, если б знал, чем нас одарил, об этом и не заикался. Пусть и скромно, но мы тебе здесь в дорогу собрали еды, и вот— она сунула руку в плетёную корзину, что висела на сгибе локтя, и вынула свёрток ткани, — это плащ, лёгкий, но защитит от дождя и ветра. Примерь.

-Хорошо сидит, — Гур внимательно посмотрел на меня, — и длина хорошо, и в плечах даже сошлось.

-Спасибо.

-А не стоит. Если собрался, то пойдём, отведём тебя к Лурушке, возьмёшь трав, может, она тебе, что нового подскажет. Так, а куда твой путь-то ведёт?

- В Змеев град, если слушать проводника.

Старик со старухой переглянулись.

-Ну-ка сядь,— Мила указала мне на стул,— кто твой проводник?

-Я не знаю кто он или она. Это существо с ногами и телом лисы, только туловище покрыто перьями, морда, как у сокола, а глаза барса. Его привели в деревню в начале зимы, долго не спорили, проголосовали и приняли решение, я не согласился, но и против не высказался, а есть не стал. После жители стали хворать, знахарка, что из-за леса приходила, помочь не смогла, так всех и не стала. А как последних схоронил, явилось это существо, так и отправило меня в путь. Я должен кое-что отнести в этот град, чтобы мои могли перейти. Что и зачем не знаю, оно мне не отвечает.

-Хо! Альтарец, да это никак дитя Змея был... Ну и дела.

-Змея?

-Слушай, когда-то мир был сотворён божествами, — заговорила Мила, —и змей был отцом этих божеств. Он нить мироздания, ткач всего, что существует. Есть Змеев град, где он собирает свои творенья, стирает их в магическую пыль,

с помощью нефритовой лиры, и осыпает этим прахом древо мира; это древо несёт плоды, из которых в мир приходят новые существа, расы, божества, звери, металлы, камни.

-И он действительно существует?

-Теперь уже я не смогу тебе сказать нет. Существо, что ты встретил, эта та самая лиса, чьи слёзы ты нашёл, и она дочь этого Змея. И если ты выживешь в своём пути, она приведёт тебя в Змеев град, потому как все создания, стремятся вернуться в колыбель творца.

-Выбора у меня нет, либо сгину, либо дойду.

-В этом ты прав,— Гур кивнул,— бери-ка ты с собой эту книгу, карту тоже возьми. Не знаю, будет ли толк, но всё же...

-Да,—кивнул и уложил всё в сумку.

И мы пошли вверх по улице к травнице Лурушке.

Глава 3

Странник

Запись 1.

Дорога тогда мне казалось сложной, я никогда не покидал поселения, простые ориентиры я знал, в лес тоже ходил и охотиться на дичь умел, и рыбу поймать. Сложным мне казалась неизвестность. Первые дни я по несколько часов шёл назад, размышляя, ведь я там не пропаду: кров, запасы, я знал ту жизнь. Но всегда останавливался, ведь мне больше не к кому было вернуться. В такие мгновения серебряная веточка теплела, не знаю, жалела ли она меня или подбадривала, но на сердце становилось спокойней, и я продолжал свой путь.

По ночам я спал на деревьях, привязывая себя верёвкой к веткам, но глубоко в лес не заходил, держась реки; рыбу ловить в холодной воде было тем ещё развлечением, но это было лучше, чем встретить медведя. Разводил костёр, находил упругую палку у края леса, затачивал, снимал сапоги и медленно заходил в воду. Стоять иногда приходилось долго, и я возвращался греться к огню. Дни, когда поймать ничего не удавалось, были редкими, но всё же бывали. И в один из таких дней я почувствовал покалывание за пазухой, я сунул руку, чтобы вытащить веточку, и это существо впервые за долгое время заговорило со мной.

-Вернись к реке, у берега лежат белые камни, возьми их.

Я не успел задать ни единственного вопроса, как голос стих. Стукнув самодельным копьём по углям, я вскочил, пытаясь разглядеть край берега. «Какие ещё камни? Коли взялся вести, лучше бы сказал, где еды раздобыть!» У меня оставалось немного вяленого мяса и мёд, но их я берёг, на худший исход.

Ничего не разглядев, я неторопливо босой направился к реке. «Камни? И что с ними делать? Хоть бы объяснил! Мало ли белых камней у берега валяется?!». Подойдя к самой реке, я заметил светлые рыхлые куски, которых, до этого не встречал ни разу, из них в разные стороны торчали прозрачные, маленькие пеньки. Взяв один и покрутив руке, я уловил сигнал тепла от кости. «Ну ясно, других странных камней здесь и нет!». Сложив в мешок столько, сколько там было свободного места, я обулся, затушил костёр и двинулся в путь. Лес уже изрядного поредел, а впереди возникла не широкая тропа, но ей явно ходили и часто, земля была утоптана.

Кроме дороги, я мог продолжать идти вдоль реки, но кость снова подала сигнал, когда я попытался двинуться тем же путём. Калея спускалась куда-то вниз, виляя и петляя, и становилась то шире, то уже. Наконец, миновав последний поворот, я увидел поселение, огромное, сколько там было домов, я не знаю, но в отличие от наших они были маленькие и с оградками. Первые голоса людей за столько времени,

завучали как-то знакомо и грусть подступила к глазам. Ещё немного постояв, я всё же решился пойти дальше вглубь. Те, кто меня замечал, бросали быстрые взгляды и принимались за свои дела. Мне нужно было найти место, где можно было бы обменять пару шкурок, что я прихватил с собой, на что-нибудь полезное, возможно, на нож побольше, потому как мой был хорош для рыбы, но не мяса или, возможно, на простенький лук без стрел. Оглядевшись, увидел, как между домами, чуть впереди, дорога была совсем широкой, шум доносящийся, говорил мне, что людей там много, кому-нибудь да пригодится пушнина. Сейчас я уже думал, пошей я в пути рукавицы или шапку, то мог бы, наверное, выручить что-то ценней. Нельзя сказать, что я разбирался в торговле, старшие с собой редко кого брали за лес, и как оценивается — просто не знал.

-Путник, подходи! — закричал какой-то низенький старичок. Я удивился и подошёл.

-Старик, ты звал меня?

-Хо! Я про вас слышал! Альтарец! А правду говорят, вы здоровенные, как лесные медведи! Эй, женщина, иди сюда! — с этими словами старик вбежал в один из домов, что стояли в ряд вдоль дороги.

Я остался на месте и только крутил головой в разные стороны, люди здесь действительно были невысокие. Они обращивались на меня, а дети тыкали пальцами.

-И вправду! Не соврал! – теперь их было двое и стало не

просто разобрать кто из них старуха, а кто старик, лица их были, как отражения, даже одеты были одинаково — Ты как сюда попал? Если идти от вашего поселения это дней двенадцать пути, хотя с твоими ногами, наверное, и за девять управился?

-Да,— мне показался странным собственный голос, ведь в последние дни если и говорил, то только с костью и то.

-Ты ищешь ночлег?

-Я ищу, где бы обменять пушнину.

-А, что надо? Чьи шкуры — они спрашивали, перебивая друг друга, пытаюсь стать ко мне ближе, а я невольно пятился назад.

-Выдра и заяц, — голос мой прозвучал неуверенно.

-Это и мы у тебя можем купить! Накормить не предложим задаром, но горячей воды нальём и ценой не обидим!

И как два щенка они вцепились в меня, один в правый рукав, вторая в левый и потянули в дом. Чтобы войти, пришлось наклониться и чуть развернуть плечи. Потолок был покатым, потому выпрямится я смог только в середине комнаты.

-Да ты не стой, во садись! – старик потащил меня к столу, а старуха, пыхтя, выдвинула стул.

Сев я стал осматриваться: стены каменные и пол тоже, комнат, похоже, было две, где сидел я был очаг, но в стене и дым с гарью уходили вверх. Два маленьких окна, прикрытые тканью с вышивкой, такой же тканью был закрыт про-

ход в другую комнату, куда ушла женщина. К стенам были приключены полки, на них лежали кожаные бурдюки, стойки с ножами, какие-то свёртки и ещё предметы, которых я прежде не видел.

-Ну Альтарец, показывай шкурки.

Я снял мешок с плеча и развязал шнурок, аккуратно вынул льняной свёрток, стараясь не задеть камни, и положил на стол. Хозяин дома тут же принялся его разворачивать, покрутив и понюхов товар, он несколько раз погладил рукой пушнину.

-Что за них хочешь?

-Травы и мясо.

-Эх ты, у нас здесь деньгами платят, — захохотал старик, — а вот на деньги у мясника можешь мясо купить, лавка, напротив, а за травами это тебе на другой конец города топать, там живёт наша травница Лурушка. Здесь пушнину я могу обменять тебе только на охотничий нож, но уж вряд ли он будет лучше тех, что водятся в вашей деревне.

-А какие у вас деньги?

-Хо! Да ты, что же дикий совсем? Я слышал, что одна деревенька вас и осталась. Деньги, парень, — это металл: золото, серебро и медь. Ты читать умеешь?

-Да, мать с отцом, обучали нас.

-Хорошо. Женщина! – внезапно заорал старик, и из-за шторы, вынырнула старуха, в руке у неё была плоская с чем-то горячим.

-Нет, так ты точно немым станешь! Зачем так глотку рвать? Не во дворце живём! — она повернулась ко мне и поставила плошку, — вот, я положила туда чуть-чуть корня цикория и ложку мёду, пей.

Я наклонился понюхать этот странный напиток: лёгкий сладко-горьковатый запах, приятно согрел мой нос, и я залпом опустошил её.

-Дай чернила, женщина!

-На кой они тебе? — и брови старухи полетели вверх.

-Дай, говорю!

Ещё недолго она молча топала ногой, сжимая губы и щурясь, старик выжидал. Топнула ногой ещё раз, да посильней, и что-то растёрла носком сапога, громко шоркая и бормоча что-то, направилась к шкафу со стеклянными дверцами. Покопавшись, старушка вынула маленькую баночку чернил и перо.

-И так Альтарец, — развернув и расправив тряпицу, в которой были завёрнуты шкурки, он стал писать, — одна золотая монета, это двадцать медных, и десять серебряных. Вот держи, — протягивая мне льняной обрывок добавил, — если захочешь где-то переночевать, то хватит и трёх медных монет за кровать, и ещё две за чашку супа, столько же, ежели захочешь выпить чего-то крепкого. Если попадёшь в город больше, сразу цену в голове держи в два, а то и в три раза больше. Уяснил?

-Да, — следя за этой парой, я всё никак не мог решить,

стоит ли у них узнать, что это за камни я собрал у реки, но кость молчала и когда мой проводник снова выйдет на связь не известно, и я рискнул— можете сказать, сколько это стоит?

Показать я решил один, самый маленький, что был среди остальных. Рука старика потянулась к моей, но старуха, опередила его.

-Лисьи слёзы, — прошептала она, поднося камень ближе к лицу. Старик крутился вокруг неё, пытаясь выцепить находку из её рук.

-Что за лисьи слёзы?

-Это Альтарец,— прошептала женщина,— Это столько стоит золота, сколько во всём городке нашем не наберётся людей да живности со всеми насекомыми и грызунами.

-Что в нём такого? Для чего этот камень?

-Лисьи слёзы, один из редких кристаллов древней магии. Он способен наделить человека даром долголетия, стать проводником в другой мир, мир Богов! Да только никто с камнем сделать ничего не сможет, если бездарный. Тебе нужно идти в столицу, к башне магистров. Но где ты это нашёл?

-На берегу реки у леса, перед тем как прийти в город,— она протянула мне камень, минуя жалобный стон старика.

Покрутив его в руке, я чуть надавил на один из выпирающих прозрачных пеньков и вынул его. Старик со старухой ухватились друг за друга, отступая к стене.

-Ну-ка и силища, — вместе выдохнули они.

— Это вам, моя благодарность.

Не отпуская друг друга, переглянувшись, старуха оттолкнула старика и рванула к столу, тот, устоял и одним большим шагом, сбил её на пол и повалился сам, началась настоящая борьба, и я невольно стал смеяться, но они не обращали на меня никакого внимания.

-Всё Мила!— взвизгнул старик, наступила полная тишина, только очаг трещал.

Они встали, отряхнули друг друга, постояли молча глядя прямо в глаза, и как ни в чём не бывало, заговорили со мной.

-За шкуры десять медных монеты, устроит?

-Да,— я как-то не ожидал, таких резких перемен, — оттого голоса прозвучал глухо.

-Оставайся Альтарец на ночь у нас. А утром отправишься в путь. Пусть это будет наша благодарность за твой дар.

Я молчал, ведь они не знают, сколько камней лежало в моей сумке. Как бы то ни было, кость предупредила меня, что встречу я разные испытания и добра, и зла. Старик прервал мои размышления.

-Знай, что камень тебя защитит. Он потеряет всякую силу, если будет отобран. Коли нашёл -твой. Так, что не сомневайся, оставайся. Верно, тебя привело к нам проведение или сама судьба.

-Я судьбы теперь своей не знаю.

-Я Гур, а это моя жена Мила. Мы родились в столице и

прожила там много десятков лет, работали в имперской библиотеке, занимаясь поисками подобных предметов для магистров и правящей семьи. А потом ушли доживать свою остаток в эту глушь.

-Империю?

-Да ты верно, и вправду дикарём вырос! — старик вытирает глаза.

-Ну ты! Элита,— цокнула Мила, — тебе ли не знать о его народе!

-Что знать о моём народе?

На этом вопросе они переглянулись.

-Так, давай-ка расскажи, чему тебя учили, что говорили о континенте, правителях, богах? - Гур уселся, напротив, оперевшись локтями в стол.

-Что есть люди, животные, отнятая жизнь ради пропитания священна и почитаема. Что все равны в глазах матери-земли, и каждый плохой или хороший его дитя. Что предначертанного не изменить, свой рок не переписать.

-Так, а что за континент, где вы живете? Какая здесь власть? Войны? Магистры? – с каждым вопросом я чувствовал, как нарастает его раздражение.

-Мы просто были, и я бы прожил так всю оставшуюся жизнь, если бы все остались в этом мире, — старики замерли, услышав последнее.

-Но постой, как же это возможно? Кто мог погубить вас? Ваша кровь - одна из сильнейших. Да знал бы ты сколько

легенд о твоём племени гуляет по свету?!

-Мы сами себя и погубили, проклятье какого-то существа.

-Хо-о-о-о... — протянул Гур.

Пауза тянулась долго, и старик только тихо цокал да качал головой, жена его села рядом с ним и посмотрела мне в глаза.

-Ты должен искупить грех, его не совершав, вероятно?

-Ага, — кивнул я.

— Вот и судьба твоя, что ты не знал. Ладно. Гур, парня надо бы основам обучить, рассказать, что к чему, — доля ему на плечи легла непростая. А я пойду да придумаю, чем накормить такого здоровяка и тебя немощь.

Широко улыбнувшись, она встала из-за стола и направилась к входной двери, прихватив плетёную корзину.

Но старик даже не обернулся, лицо его словно состарилось ещё больше, и он то поднимал на меня глаза, то снова опускал.

Глава 4

Странник

Запись 1.

Дорога тогда мне казалось сложной, я никогда не покидал поселения, простые ориентиры я знал, в лес тоже ходил и охотиться на дичь умел, и рыбу поймать. Сложным мне казалась неизвестность. Первые дни я по несколько часов шёл назад, размышляя, ведь я там не пропаду: кров, запасы, я знал ту жизнь. Но всегда останавливался, ведь мне больше не к кому было вернуться. В такие мгновения серебряная веточка теплела, не знаю, жалела ли она меня или подбадривала, но на сердце становилось спокойней, и я продолжал свой путь.

По ночам я спал на деревьях, привязывая себя верёвкой к веткам, но глубоко в лес не заходил, держась реки; рыбу ловить в холодной воде было тем ещё развлечением, но это было лучше, чем встретить медведя. Разводил костёр, находил упругую палку у края леса, затачивал, снимал сапоги и медленно заходил в воду. Стоять иногда приходилось долго, и я возвращался греться к огню. Дни, когда поймать ничего не удавалось, были редкими, но всё же бывали. И в один из таких дней я почувствовал покалывание за пазухой, я сунул руку, чтобы вытащить веточку, и это существо впервые за долгое время заговорило со мной.

-Вернись к реке, у берега лежат белые камни, возьми их.

Я не успел задать ни единственного вопроса, как голос стих. Стукнув самодельным копьём по углям, я вскочил, пытаясь разглядеть край берега. «Какие ещё камни? Коли взялся вести, лучше бы сказал, где еды раздобыть!» У меня оставалось немного вяленого мяса и мёд, но их я берёг, на худший исход.

Ничего не разглядев, я неторопливо босой направился к реке. «Камни? И что с ними делать? Хоть бы объяснил! Мало ли белых камней у берега валяется?!». Подойдя к самой реке, я заметил светлые рыхлые куски, которых, до этого не встречал ни разу, из них в разные стороны торчали прозрачные, маленькие пеньки. Взяв один и покрутив руке, я уловил сигнал тепла от кости. «Ну ясно, других странных камней здесь и нет!». Сложив в мешок столько, сколько там было свободного места, я обулся, затушил костёр и двинулся в путь. Лес уже изрядного поредел, а впереди возникла не широкая тропа, но ей явно ходили и часто, земля была утоптана.

Кроме дороги, я мог продолжать идти вдоль реки, но кость снова подала сигнал, когда я попытался двинуться тем же путём. Калея спускалась куда-то вниз, виляя и петляя, и становилась то шире, то уже. Наконец, миновав последний поворот, я увидел поселение, огромное, сколько там было домов, я не знаю, но в отличие от наших они были маленькие и с оградками. Первые голоса людей за столько времени,

завучали как-то знакомо и грусть подступила к глазам. Ещё немного постояв, я всё же решился пойти дальше вглубь. Те, кто меня замечал, бросали быстрые взгляды и принимались за свои дела. Мне нужно было найти место, где можно было бы обменять пару шкурок, что я прихватил с собой, на что-нибудь полезное, возможно, на нож побольше, потому как мой был хорош для рыбы, но не мяса или, возможно, на простенький лук без стрел. Оглядевшись, увидел, как между домами, чуть впереди, дорога была совсем широкой, шум доносящийся, говорил мне, что людей там много, кому-нибудь да пригодится пушнина. Сейчас я уже думал, пошей я в пути рукавицы или шапку, то мог бы, наверное, выручить что-то ценней. Нельзя сказать, что я разбирался в торговле, старшие с собой редко кого брали за лес, и как оценивается — просто не знал.

-Путник, подходи! — закричал какой-то низенький старичок. Я удивился и подошёл.

-Старик, ты звал меня?

-Хо! Я про вас слышал! Альтарец! А правду говорят, вы здоровенные, как лесные медведи! Эй, женщина, иди сюда! — с этими словами старик вбежал в один из домов, что стояли в ряд вдоль дороги.

Я остался на месте и только крутил головой в разные стороны, люди здесь действительно были невысокие. Они обращивались на меня, а дети тыкали пальцами.

-И вправду! Не соврал! – теперь их было двое и стало не

просто разобрать кто из них старуха, а кто старик, лица их были, как отражения, даже одеты были одинаково — Ты как сюда попал? Если идти от вашего поселения это дней двенадцать пути, хотя с твоими ногами, наверное, и за девять управился?

-Да,— мне показался странным собственный голос, ведь в последние дни если и говорил, то только с костью и то.

-Ты ищешь ночлег?

-Я ищу, где бы обменять пушнину.

-А, что надо? Чьи шкуры — они спрашивали, перебивая друг друга, пытаюсь стать ко мне ближе, а я невольно пятился назад.

-Выдра и заяц, — голос мой прозвучал неуверенно.

-Это и мы у тебя можем купить! Накормить не предложим задаром, но горячей воды нальём и ценой не обидим!

И как два щенка они вцепились в меня, один в правый рукав, вторая в левый и потянули в дом. Чтобы войти, пришлось наклониться и чуть развернуть плечи. Потолок был покатым, потому выпрямится я смог только в середине комнаты.

-Да ты не стой, во садись! – старик потащил меня к столу, а старуха, пыхтя, выдвинула стул.

Сев я стал осматриваться: стены каменные и пол тоже, комнат, похоже, было две, где сидел я был очаг, но в стене и дым с гарью уходили вверх. Два маленьких окна, прикрытые тканью с вышивкой, такой же тканью был закрыт про-

ход в другую комнату, куда ушла женщина. К стенам были приключены полки, на них лежали кожаные бурдюки, стойки с ножами, какие-то свёртки и ещё предметы, которых я прежде не видел.

-Ну Альтарец, показывай шкурки.

Я снял мешок с плеча и развязал шнурок, аккуратно вынул льняной свёрток, стараясь не задеть камни, и положил на стол. Хозяин дома тут же принялся его разворачивать, покрутив и понюхов товар, он несколько раз погладил рукой пушнину.

-Что за них хочешь?

-Травы и мясо.

-Эх ты, у нас здесь деньгами платят, — захохотал старик, — а вот на деньги у мясника можешь мясо купить, лавка, напротив, а за травами это тебе на другой конец города топать, там живёт наша травница Лурушка. Здесь пушнину я могу обменять тебе только на охотничий нож, но уж вряд ли он будет лучше тех, что водятся в вашей деревне.

-А какие у вас деньги?

-Хо! Да ты, что же дикий совсем? Я слышал, что одна деревенька вас и осталась. Деньги, парень, — это металл: золото, серебро и медь. Ты читать умеешь?

-Да, мать с отцом, обучали нас.

-Хорошо. Женщина! – внезапно заорал старик, и из-за шторы, вынырнула старуха, в руке у неё была плоска с чем-то горячим.

-Нет, так ты точно немым станешь! Зачем так глотку рвать? Не во дворце живём! — она повернулась ко мне и поставила плошку, — вот, я положила туда чуть-чуть корня цикория и ложку мёду, пей.

Я наклонился понюхать этот странный напиток: лёгкий сладко-горьковатый запах, приятно согрел мой нос, и я залпом опустошил её.

-Дай чернила, женщина!

-На кой они тебе? — и брови старухи полетели вверх.

-Дай, говорю!

Ещё недолго она молча топала ногой, сжимая губы и щурясь, старик выжидал. Топнула ногой ещё раз, да посильней, и что-то растёрла носком сапога, громко шоркая и бормоча что-то, направилась к шкафу со стеклянными дверцами. Покопавшись, старушка вынула маленькую баночку чернил и перо.

-И так Альтарец, — развернув и расправив тряпицу, в которой были завёрнуты шкурки, он стал писать, — одна золотая монета, это двадцать медных, и десять серебряных. Вот держи, — протягивая мне льняной обрывок добавил, — если захочешь где-то переночевать, то хватит и трёх медных монет за кровать, и ещё две за чашку супа, столько же, ежели захочешь выпить чего-то крепкого. Если попадёшь в город больше, сразу цену в голове держи в два, а то и в три раза больше. Уяснил?

-Да, — следя за этой парой, я всё никак не мог решить,

стоит ли у них узнать, что это за камни я собрал у реки, но кость молчала и когда мой проводник снова выйдет на связь не известно, и я рискнул— можете сказать, сколько это стоит?

Показать я решил один, самый маленький, что был среди остальных. Рука старика потянулась к моей, но старуха, опередила его.

-Лисьи слёзы, — прошептала она, поднося камень ближе к лицу. Старик крутился вокруг неё, пытаясь выцепить находку из её рук.

-Что за лисьи слёзы?

-Это Альтарец,— прошептала женщина,— Это столько стоит золота, сколько во всём городке нашем не наберётся людей да живности со всеми насекомыми и грызунами.

-Что в нём такого? Для чего этот камень?

-Лисьи слёзы, один из редких кристаллов древней магии. Он способен наделить человека даром долголетия, стать проводником в другой мир, мир Богов! Да только никто с камнем сделать ничего не сможет, если бездарный. Тебе нужно идти в столицу, к башне магистров. Но где ты это нашёл?

-На берегу реки у леса, перед тем как прийти в город,— она протянула мне камень, минуя жалобный стон старика.

Покрутив его в руке, я чуть надавил на один из выпирающих прозрачных пеньков и вынул его. Старик со старухой ухватились друг за друга, отступая к стене.

-Ну-ка и силища, — вместе выдохнули они.

— Это вам, моя благодарность.

Не отпуская друг друга, переглянувшись, старуха оттолкнула старика и рванула к столу, тот, устоял и одним большим шагом, сбил её на пол и повалился сам, началась настоящая борьба, и я невольно стал смеяться, но они не обращали на меня никакого внимания.

-Всё Мила!— взвизгнул старик, наступила полная тишина, только очаг трещал.

Они встали, отряхнули друг друга, постояли молча глядя прямо в глаза, и как ни в чём не бывало, заговорили со мной.

-За шкуры десять медных монеты, устроит?

-Да,— я как-то не ожидал, таких резких перемен, — оттого голоса прозвучал глухо.

-Оставайся Альтарец на ночь у нас. А утром отправишься в путь. Пусть это будет наша благодарность за твой дар.

Я молчал, ведь они не знают, сколько камней лежало в моей сумке. Как бы то ни было, кость предупредила меня, что встречу я разные испытания и добра, и зла. Старик прервал мои размышления.

-Знай, что камень тебя защитит. Он потеряет всякую силу, если будет отобран. Коли нашёл -твой. Так, что не сомневайся, оставайся. Верно, тебя привело к нам проведение или сама судьба.

-Я судьбы теперь своей не знаю.

-Я Гур, а это моя жена Мила. Мы родились в столице и

прожила там много десятков лет, работали в имперской библиотеке, занимаясь поисками подобных предметов для магистров и правящей семьи. А потом ушли доживать свою остаток в эту глушь.

-Империю?

-Да ты верно, и вправду дикарём вырос! — старик вытирает глаза.

-Ну ты! Элита,— цокнула Мила, — тебе ли не знать о его народе!

-Что знать о моём народе?

На этом вопросе они переглянулись.

-Так, давай-ка расскажи, чему тебя учили, что говорили о континенте, правителях, богах? - Гур уселся, напротив, оперевшись локтями в стол.

-Что есть люди, животные, отнятая жизнь ради пропитания священна и почитаема. Что все равны в глазах матери-земли, и каждый плохой или хороший его дитя. Что предначертанного не изменить, свой рок не переписать.

-Так, а что за континент, где вы живете? Какая здесь власть? Войны? Магистры? – с каждым вопросом я чувствовал, как нарастает его раздражение.

-Мы просто были, и я бы прожил так всю оставшуюся жизнь, если бы все остались в этом мире, — старики замерли, услышав последнее.

-Но постой, как же это возможно? Кто мог погубить вас? Ваша кровь - одна из сильнейших. Да знал бы ты сколько

легенд о твоём племени гуляет по свету?!

-Мы сами себя и погубили, проклятье какого-то существа.

-Хо-о-о-о... — протянул Гур.

Пауза тянулась долго, и старик только тихо цокал да качал головой, жена его села рядом с ним и посмотрела мне в глаза.

-Ты должен искупить грех, его не совершав, вероятно?

-Ага, — кивнул я.

— Вот и судьба твоя, что ты не знал. Ладно. Гур, парня надо бы основам обучить, рассказать, что к чему, — доля ему на плечи легла непростая. А я пойду да придумаю, чем накормить такого здоровяка и тебя немощь.

Широко улыбнувшись, она встала из-за стола и направилась к входной двери, прихватив плетёную корзину.

Но старик даже не обернулся, лицо его словно состарилось ещё больше, и он то поднимал на меня глаза, то снова опускал.